

Б. В. Марков²

ТРАДИЦИОННАЯ И ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРЫ

Уже давно гуманитарии воюют с тем, что называется массовой культурой. По сравнению с высокой культурой некоторые телевизионные зрелища напоминают эпоху Рима, ибо способствуют бестизализации людей. Но с точки зрения политехнологов они выполняют важные функции, ибо связывают разобщенных индивидов в нечто единое. Если раньше люди выстраивались в колонну и с песней шли в одном направлении, то сегодня они привязаны к экрану ТВ настолько, что многие интересуются происходящим в «Доме-2» больше, чем своими семейными проблемами. Если не хочется ни двигаться вперед, ни возвращаться назад, то следует выявить положительные моменты традиционной и современной культуры и предпринять попытку их синтеза. Благодаря философской концептуализации современной культуры можно выявить набор антропологических констант, который должен в той или иной форме воспроизводиться в высоких культурах.

История человечества может быть рассмотрена под углом поиска способов объединения все растущего количества людей. Занимая свою территорию, они имели общую память в форме мифов и сказаний

и примерно одинаковые культы и ритуалы. Раньше в небольших поселениях каждый житель находился под взглядом другого. Все знают друг друга, и каждый может высказать свое мнение о поведении соседей. В сущности, все пространство жизни было общественным. Где же сегодня можно узреть общественное пространство? Парадокс в том, что все говорят о социальном прогрессе, в то время как социальное пространство деградирует. Как стало возможно, что в условиях роста больших городов, где люди пребывают скученными в толпу, общество, по сути, исчезает? Что происходит в наших выставочных и концертных залах, супермаркетах, в школе и на работе, где индивиды теснятся на виду друг у друга? Первое, что бросается в глаза, — отчужденность. Люди стараются не замечать друг друга. Конечно, царит вежливость и каждый старается прилично выглядеть. Однако это и создает невидимый барьер для общения. Раньше, побывав на ярмарке, человек узнавал все новости. Посещение сельмага, давало информации больше, чем телевизор. А главное — сообщаемые новости не воспринимались с характерным для современных горожан безразличием. Конечно, и в устной, и тем более в письменной культуре живое участие граждан в общественной жизни нередко сводилось к сплетням и пересудам, однако в целом люди ощущали себя звеньями единой цепи и отзывались на беды другого не только вежливым сочувствием, но и реальной поддержкой.

Революционным становится XX век — эпоха зарождения массового общества и страха элиты перед толпой. Это начало новой истории строительства

² Заведующий кафедрой философской антропологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Сердце и разум: история и теория менталитета», «История современной зарубежной философии», «Наука и альтернативные формы знания», «Очерки социальной антропологии», «Философская антропология: Очерки истории и теории», «Человек, государство и Бог в философии Ницше», «Понятие политического» и др.

больших общественных коллекторов (конгрессы, дворцы съездов, театры, магазины (пассажи), концертные залы и, наконец, стадионы). История этих мест не изучена, нет специальной науки о подобных социальных пространствах. В XX веке в гигантский архитектурный коллектор для огромного числа агрессивных настроенных людей превращается *стадион*. Почему открытый в глубокой древности эффект арены Колизея — этого обладающего наркотическим действием спектакля — вновь возрождается спустя тысячелетия? Ответ состоит в том, что наступление эры масс сопровождается разработкой ритуалов, контролирующих поведение людей.

Г. Тард придавал большое значение гипнозу и считал спорт формой внушения. Заражение и подражание — вот как достигается единство на стадионе. Стадион — прямая противоположность *агоре*, где консенсус достигается на основе разговоров. Э. Канетти определял массу через ринг и этим указал на значение архитектуры стадиона и особенно акустического эффекта. Как и афинские деятели, современные режиссеры консенсуса опираются на объединяющее и цементирующее воздействие музыки. Этот фонотопический синтез достигается в форме общего энтузиазма, возникающего в процессе слияния индивидов в целое.

Стадион для присутствующих на нем — это место убеждения в истине. Он сформировался в ходе поисков модели общественного контейнера, прообразом которой стало Марсово поле, где с большой помпой проводились разного рода демонстрации. После Французской революции взамен храма пришлось выработать новые ритуалы «сборки» нации в единое целое на основе величественных шествий и гипнотических речей. Так достигался синтез организации и психотехники. В эпоху модерна искусство социального синтеза достигло наивысшего расцвета. Единодушие и энтузиазм стали продуктом специальной организации. Мощный культурно-политический эффект достигался благодаря не рефлексии, а искусству. Модерн на дифференциацию общества отвечал усилением роли центра. Марсово поле в Париже, театр в Байрете, Красная площадь в Москве, спортивный стадион в Берлине — все это архитектурное выражение сопротивления децентрации.

Спортивная идеология эксплуатирует «олимпийскую идею», но на деле мотивом государственной поддержки спорта является стремление к психической «сборке» разобщенной массы в одно целое. Серия Олимпийских игр возвышается над временем, она объединяет историю. Под руководством Людвиг Куртиуса были воссозданы оригинальные олимпийские состязания и построен стадион в Афинах. «Олимпия» задумывалась как страна спорта, где судьями выступали университетские профессора. Чтобы стать атлетом, перешагивающим границы обычных человеческих возможностей, необходимо уверовать в телесный суверенитет. Олимпизм внушает уверенность, что власть идет от здорового тела. Олимпийские игры, как говорил Пьер Кубертен, есть не что иное, как продолжение грекофилии. Таким образом, эпоха Просвещения дала свое понимание спорта как формы воспитания здоровой ари-

стократической элиты. Как в Байрете происходило возрождение трагедии из духа музыки, так и олимпиады путем возрождения атлетизма должны были привести к появлению просвещенных масс. Таким образом, строительство стадионов пришло на смену филологическому ренессансу и постепенно привело к вытеснению книжной культуры.

Одной арены как коллектора, объединяющего массу, недостаточно. Требуется связующее звено (пресса, радио или ТВ), работающее дистанционно, распространяющее энергию зрителей на остальную массу населения. Во время Олимпийских игр эффект возбуждения приобретает планетарный характер. То, что называют единством, — это продукт производства общественных коллекторов, оснащенных такими «медиумами», как громкоговорители и телекамеры, не пропускающие ни одного события, в курсе которых благодаря ежедневной прессе и радиорепортажам может быть каждый.

По мнению В. Беньямина, единство публичного мира товаров и интимного мира желаний достигается в пассажах. Но для новых архитекторов они уже не являются примером для подражания. Превращение в торговые центры дворцов культуры, вокзалов и иных общественных мест — это проявление ультрамодерна. Если советские архитекторы создавали пространства для коллективных тел, то во время перестройки все они были отданы под торговые залы. Сегодня после осознания опасности децентрации, характерной для постмодерна, вновь начались поиски новой целостности.

Во второй половине XX века на передний план выдвигаются материальные символы достатка. Рост покупательной способности масс способствовал изменению сознания. Низшие слои населения пришли на рынок моды, мобильности, дизайна и гастрономии, ранее доступный лишь высшим слоям общества. Об изменении жизни с достижением достатка свидетельствует прежде всего автомобильная культура, хотя ее чрезмерное развитие наносит вред. Но настоящим прорывом становится расширение зоны свободного времени, благодаря чему возникают новые субкультуры. Излишки времени посвящаются развитию разного рода талантов и даже конструированию частных метафизических систем. Вообще говоря, столь широкое вторжение масс в сферу развлечений, отдыха, туризма, спорта, музыки не имеет прецедента.

Сегодня мы живем в эпоху знаковых событий. Культуру определяет теперь не само произведение искусства, а внушительный состав приглашенных звезд и знаменитостей, толпа зевак, рынок и рейтинги, сплетни и скандалчики, благодаря которым, собственно, и «навариваются» деньги. Фирменным знаком участников «культурной тусовки» является погоня за развлечениями. Если телекамеры, логотипы солидных спонсоров вкуче с рекламной кампанией и раздачей образцов продукции не затмевают все вокруг, нельзя говорить о знаковом событии. Поэтому на место эстетов, художников и критиков приходят менеджеры в сфере искусства и культуры. Манипулирование цифрами, диаграммами, рейтингами, финансами становится более важным и более высоко

оплачивается, нежели способность создавать произведения искусства. Претензии искусства на подлинность становятся смешными перед лицом циничных требований экономики и массового вкуса.

Современная «культура знаковых событий» напоминает праздники барокко, а не концерты модерна. В музее можно поесть, выпить и развлечься. Банк, универмаг — тоже сцена. Искусство не событие, а часть индустрии развлечения и потребления. Оно становится полезным и обслуживает не мечту, а ре-

альность. Можно ли сохранять смысл искусства в инсталляциях и презентациях? За шумом фестивальных культур все хотят что-то увидеть, узнать. И все ждут чуда преображения. Без искусства таких событий не было бы вообще. В этой толкотне сегодня и реализуется мечта. За масками шумных событий, в погоне за покупками и распродажами важно не потерять себя и не забыть о мечте. Там, где доминирует вторичное, неизбежна тоска по подлинному. Само недовольство зрелищами свидетельствует о верности мечте.